

—

VII.

Гу Сьюаню и в голову никогда не приходило, что такое определение, как «маленький оборотень», когда-нибудь будет иметь к нему хоть какое-то отношение.

Он взглянул на небо, затем перевел взор на Се Сюаня и холодно произнес:

— Уже поздно. Вашему Высочеству лучше не тратить время на туманные речи, а поспешить обратно — пить лекарство.

«Ха-ха, как оригинально».

Се Сюань еще не встречал никого, кто выпроваживал бы гостя, советуя ему пойти выпить микстуру.

Тонкие белые пальцы принца вцепились в руку генерала, легонько барабаня по ней. Се Сюань намеренно бросил на него обиженный взгляд:

— Только что рассуждали о «самцах и самках» и диких уточках, а теперь, стоит мне сказать слово не по нраву, как генерал Гу тут же меняется в лице и делает вид, что мы незнакомы.

Гу Сьюань уже насквозь видел его натуру, а потому не обратил внимания на это притворство. Он перехватил его беспокойные пальцы и сурово отчеканил:

— Если Ваше Высочество не желает уходить, можете отправиться со мной на дежурство в Зал Высшей Гармонии. Думаю, у вас найдется веское оправдание, чтобы объясниться с императором.

Се Сюань поскреб ногтями его ладонь и, надув губы, переложил вину на него:

— Я же просто пошутил, почему генерал Гу такой серьезный?

Гу Сьюань не стал больше вступать в препинания. Он просто обхватил принца за предплечье и, спрыгнув вместе с ним с дерева, бросил:

— Я ухожу!

— Эй, подожди, — Се Сюань поспешно схватил его за рукав.

Гу Сьюань обернулся с ледяным видом; его взгляд ясно говорил: «Надеюсь, у тебя действительно есть важное дело».

Се Сюань скорчил гримасу. Впрочем, на этот раз дело и впрямь было серьезным. Он слегка подался вперед и прошептал:

— Тот книжник, которого ты прислал ко мне в поместье... Придя в себя, он сообщил кое-какие сведения. Я уже отправил людей для проверки. Если его слова подтвердятся, при дворе может подняться нешуточная буря.

Гу Сьюань коротко кивнул:

— Ваше Высочество, решайте сами.

О том, что произошло в уезде Лин, он знал лучше всех.

Се Сюань махнул рукой и с притворным гневом бросил:

— Ладно, проваливай! Ты, бесчувственный чурбан, который забывает всё хорошее, стоит только натянуть штаны!

Гу Сьюань тут же замер. Он прищурился, и его глубокий взгляд медленно скользнул по лицу Се Сюаня, опустился к шее, груди и еще ниже.

Этот взгляд был настолько острым, будто проникал под кожу. Лицо Се Сюаня невольно порозовело — ему показалось, что его раздели догола прямо здесь.

Гу Сьюань не сводил с него глаз, а уголки его губ изогнулись в тонкой усмешке. В этот миг в нем проступила несвойственная ему раньше бесшабашная и дерзкая аура:

— Раз Ваше Высочество так жаждет увидеть, как я снимаю штаны, я обязательно дам вам возможность убедиться в этом лично при следующей встрече. Обещаю, вы не будете разочарованы.

— ... — Се Сюань.

Это что сейчас было? Флирт? Непристойность?

Этот «ледяной лик» Гу Сьюань только что позволил себе вольность в общении с Шестым принцем Великой Лян!

Действительно, всё его напускное благородство — лишь маска. Как лжив человеческий род в этом ужасном мире!

На утреннем собрании в тот день император Цзяньчжао объявил имя инспектора столичного гарнизона: им стал чжунлан императорской гвардии Гу Сюнь.

Окончательный вердикт заставил челюсти многих присутствующих буквально отвиснуть. Хотя император и забрал тигриную печать столичного гарнизона себе, а должность инспектора формально была лишь ролью «гонца» без права командования и передвижения войск, всё же говорят: «Дальний чиновник не так важен, как тот, кто рядом». При постоянном контакте со временем всегда найдется лазейка, чтобы расставить своих людей.

Как можно было доверить управление десятитысячным войском какому-то желторотому юнцу, который никогда не водил солдат в бой?

Яростнее всех отреагировала фракция Шестого принца. Они выдвигали любые аргументы против, едва ли не колотясь лбами об пол в знак протеста, заявляя: «Либо он, либо мы».

Сторонники Первого и Второго принцев, оправившись от первого шока, напротив, быстро успокоились. После недавнего дела о покушении на алтаре обе фракции понесли тяжелые потери из-за суровых наказаний императора, в то время как Се Сюань остался невредим. Они очень опасались, что император, так балующий Шестого принца, найдет способ отдать эту должность его человеку.

Но теперь пост достался Гу Сюню. А всем было известно, что Гу Сюнь терпеть не может

благородную наложницу Лу и всё семейство Лу.

Значит, в чьи бы руки ни перешел в будущем столичный гарнизон, Се Сюаню он точно не достанется.

Глядя на бушующих сторонников Шестого принца, приверженцы Первого и Второго принцев даже почувствовали некое злорадное удовлетворение. Раз уж им самим ничего не обломилось, то наблюдать за чужими страданиями — тоже своего рода удовольствие.

В конце спора люди Первого принца даже лицемерно подали прошение, заявляя о «мудрости государя» и о том, что Гу Сюнь — человек выдающихся способностей и великой преданности, идеально подходящий на эту роль. Стоит заметить, что прежний командующий был тестем Первого принца, так что он пострадал больше всех, и такая поддержка отцовского решения делала его в глазах императора «почтительным сыном».

Император Цзяньчжао и впрямь остался доволен и даже удостоил его скупой похвалы. Первый принц тут же бросил торжествующий взгляд на Се Сюаня.

Се Сюань ответил «любимому брату» глубоким, нечитаемым взглядом.

«Ха-ха, лучше бы тебе не радоваться раньше времени».

Четвертый принц Се Хуань, который знал о результате заранее, а также в силу привычки не ввязывался в партийную борьбу, сохранял спокойствие, оставаясь в глазах чиновников нейтральной фигурой.

Император Цзяньчжао, восседая на высоком драконьем троне, беспристрастно наблюдал за реакцией сыновей, но в душе был весьма горд собой. Спустя некоторое время, сдерживая внутреннее торжество, он сурово произнес:

— На том и порешим.

Се Сюань, играя свою роль до конца, протяжно выкрикнул:

— Отец-император!

Император Цзяньчжао вздохнул:

— Сюань-эр, не будь своенравным. Дела столичного гарнизона имеют огромное значение.

Впрочем, чтобы поддержать видимость того, что Се Сюань всё еще его фаворит, император в итоге назначил нескольких человек, рекомендованных Шестым принцем, на второстепенные, ничего не решающие должности.

Когда собрание закончилось, Первый принц Се Хун, пребывая в приподнятом настроении, подошел к Се Сюаню, чтобы поддеть его:

— Отец ради тебя так сурово расследовал то покушение, даже сместил генерала Вана с поста командующего... Я-то думал, он отдаст это место твоему человеку. А оно вон как вышло, аха-ха-ха!

— Советую старшему брату не радоваться слишком рано, — Се Сюань поправил полы одежды и холодно усмехнулся.

Се Хун лишь решил, что тот вне себя от ярости, и, выдав еще пару едких замечаний, самодовольно удалился.

— ... — Се Сюань.

В зале собраний все так самозабвенно верили его игре. Эх, стоило ему один раз сказать правду — и никто не верит. Какое же это одинокое занятие — быть актером!

Тем временем Гу Сюань, находясь на дежурстве в гвардии, получил императорский указ о своем назначении. Замерев на миг, он тут же принял указ с благодарностью.

Стоящий рядом евнух Ван Чэнъин с улыбкой заметил:

— Надо же, и генерал Гу может на миг потерять самообладание? Всё-таки вы еще молоды.

Командиры гвардии тоже подошли поздравить его. Раньше Гу Сюань был их подчиненным, но теперь он занял пост в столичном гарнизоне. И хотя сейчас это была скорее номинальная должность третьего ранга, по статусу он сравнялся с ними. Теперь они были коллегами. А ведь Гу Сюань был так молод — ему едва исполнилось двадцать!

Гу Сюань перекинулся с ними парой слов, отправился в Зал Высшей Гармонии поблагодарить императора, после чего с указом в руках направился напрямик в загородный лагерь. Хотя его должность и была «виртуальной», и он не собирался сидеть в лагере постоянно, он всё же был представителем императора. Для удобства будущих инспекций и передачи приказов следовало хотя бы познакомиться с нынешними военачальниками и офицерами среднего звена.

Столичный лагерь насчитывал тридцать тысяч человек и состоял из трех основных подразделений: пехотного, кавалерийского и полка «Божественного механизма» (Шэньцзиин).

Самым многочисленным был пехотный лагерь — более двадцати тысяч воинов, разделенных на три полка, каждым из которых командовал свой дучживэй (командующий). В повседневности они оттачивали мастерство боевых построений, используя в бою палаши, длинные копья и щиты.

Кавалерийский лагерь насчитывал всего тысячу всадников. Каждый был обеспечен боевым конем; кавалерия отвечала за патрулирование, разведку и стремительные авангардные атаки, являясь предметом зависти для всех остальных.

Полк «Божественного механизма» состоял из тысячи лучников, но вооружены они были не обычными луками, а мощными арбалетами. Они требовали меньше физических усилий, обладали высочайшей точностью и огромной дальностью стрельбы — до тысячи метров. Они пробивали тяжелые доспехи, что делало этот полк главной силой для сдерживания вражеской конницы.

После того как недавний командующий столичным лагерем был смещен, три лагеря продолжали ежедневные тренировки под руководством своих командующих.

Гу Сюань в сопровождении нескольких гвардейцев прибыл к воротам загородного лагеря. Не сбавляя хода, он пришпорил коня, и тот мощным прыжком перемахнул через заграждение. Оказавшись в центре плаца, Гу Сюань зычно провозгласил:

— Слушайте императорский указ!

Он вложил в голос внутреннюю силу, так что его слова разнеслись по всему огромному лагерю. Солдаты, собиравшиеся преградить путь незваному всаднику, мгновенно изменились в лице и пали на колени.

Пятеро командующих, заседавшие в центральном шатре, переглянулись. Достигнув таких высот, они имели свои связи при дворе и знали, какая жаркая битва разгорелась за пост инспектора. По правде говоря, им совсем не хотелось, чтобы над ними поставили «надсмотрщика», но они понимали: лагерь слишком важен, и император не оставит его без контроля. Пока инспектор не прибыл, они гадали, кто из заслуженных генералов это будет и как им себя с ним вести.

Они никак не ожидали, что указ придёт так скоро. Похоже, император и принцы пришли к соглашению.

— Пойдем, взглянем.

— Идем.

Три командующих пехотой, а также главы кавалерии и арбалетчиков вышли из шатра. Увидев молодого человека во главе отряда, они опешили: «Неужели этот юнец?» Однако, видя коленапреклоненных солдат, они не посмели медлить и опустились на колени, обратившись лицом к императорскому дворцу.

Гу Сьюань окинул их взглядом и, убедившись, что все в сборе, торжественно провозгласил:

— «Милостью Неба, император заявляет: Вознаграждая добродетель, назначаю чжунлана императорской гвардии Гу Сюня, за его верность в охране покоев, мудрость, честность и следование долгу, на пост инспектора столичного лагеря. Благодарю за службу. Почтите это!»

Командующие снова обменялись взглядами. Решение было принято.

Гу Сьюань спрыгнул с коня и холодно произнес:

— Не знаю, кто из уважаемых господ командующих здесь присутствует, но отныне мы коллеги. Надеюсь, мы приложим все силы, чтобы вместе вести лагерь к верному служению Его Величеству.

Воины на плацу начали подниматься, расступаясь и образуя широкий коридор. Пятеро командующих медленно вышли вперед. Тот, что стоял в центре, смерил Гу Сьюаня ледяным взглядом:

— Хочешь сказать, ты и есть Гу Сюнь?

Гу Сьюань остался невозмутим:

— Именно так.

Раздался взрыв хохота.

— Ха-ха-ха! Малыш, у тебя хоть волосы на лице расти начали?

— Ты — наш инспектор?

Люди в столичном лагере были не просто «старыми лисами» военного дела — многие

происходили из богатых и знатных семей, а потому отличались крайним непокорством.

Гу Сьюань поднял свиток с указом над головой:

— Это не мои слова, а указ Его Величества.

Смех поутих, лица офицеров посуровели.

— Указу Его Величества мы подчинимся, — процедил один из них, — но сможет ли господин инспектор заставить нас уважать себя? Это зависит от его способностей.

Гу Сьюань вскинул бровь:

— Хотите проверить мою «глубину»?

— Если господин инспектор не против, — ухмыльнулся командующий.

— Идет, — усмехнулся Гу Сьюань. Он перебрал свиток стоящему сзади гвардейцу и обратился к замершим воинам: — Верховая езда, стрельба, мечи, копья или тактика построений — с чего желаете начать?

Спустя полдня, когда солнце уже клонилось к закату, Гу Сьюань со своими людьми выехал из ворот лагеря. Вслед им смотрели сотни притихших солдат. Отъехав на приличное расстояние, Гу Сьюань обернулся к гвардейцам:

— О том, что сегодня произошло, — ни слова.

— Слушаемся! — четко ответили те, глядя на него теперь с нескрываемым благоговением.

Наступил день рождения вдовствующей императрицы. Мелкий дождь, шедший несколько дней, наконец прекратился. Небо очистилось, и яркое солнце залило мир своим сиянием.

В маленьком саду дворца Ниншугун пышно расцвели цветы, соревнуясь в красоте с юными девицами, чей смех колокольчиками рассыпался среди клумб. Вдовствующая императрица Цзян всегда была бережлива, поэтому праздник не был пышным — лишь скромный банкет в саду.

Однако на этот раз было отличие: пригласили множество жен высокопоставленных чиновников, велел им привести дочерей. Всем стало ясно: пришло время выбирать невест для принцев. Из четырех взрослых сыновей двое старших уже были женаты, так что речь шла о Четвертом и Шестом принцах.

Четвертый принц всегда был «прозрачным» в глазах императора. Внимание же всех было приковано к Шестому принцу, Се Сюаню. Любимец отца, недавно приносивший жертву небу вместо него — если не случится непредвиденного, он будущий наследник.

— Старшая сестра, посмотри, какой красивый пион! Я таких никогда не видела, — к Цзян Яньянь подошла её младшая сестра, Цзян Жуйжуй, дочь второй ветви дома герцога Чэнъэня.

Яньянь мельком взглянула на цветок и лениво бросила:

— Это новый сорт из сада Белой Лошади в Лояне, прислали в этом году.

Жуйжуй льстиво улыбнулась:

— Сразу видно, сестра часто бывает во дворце, тебя уже ничем не удивишь.

Яньянь прислонилась к колонне. В своем светло-красном платье, украшенная драгоценностями, она сама напоминала расцветший пион. На похвалу она ответила бесстрастно:

— Ничего особенного.

Казалось, то, о чем мечтали другие, для неё не имело никакой ценности.

Но Жуйжуй не унималась:

— Конечно! Сегодня на празднике столько народу именно ради того, чтобы выбрать невесту Шестому принцу. Когда ты станешь супругой принца Сюаня, будешь видеть такое каждый день.

Пальцы Яньянь внезапно сжались, раздавив цветок. Сок пиона брызнул на её безупречный маникюр. Она нахмурилась и резко оборвала сестру:

— Невесту сегодня выбирают не только Шестому принцу, но и Четвертому.

Почему все видят только Се Сюаня? Се Хуань гораздо способнее его. И эта глупая девчонка смеет игнорировать его!

Жуйжуй опешила от холодного тона сестры, но быстро сообразила, в чем дело. Хлопнув себя по губам, она затараторила:

— Да-да, конечно! Четвертый принц — старший брат Сюань-эра. Говорить только о младшем — значит нарушать порядок старшинства. Как ты мудра, сестра, сразу видно — будущая супруга принца.

— Хм, — Яньянь прищурилась, не желая больше слушать эту дурочку.

В этот момент снаружи послышалось оживление. Евнухи громко объявили о прибытии принцев. Женщины и девушки, гулявшие по саду, поспешили укрыться за ширмами и занять свои места.

На почетных местах восседали вдовствующая императрица и император. Принцы, какими бы ни были их отношения на самом деле, нацепили на лица искренние улыбки и один за другим вышли вперед, чтобы поднести свои дары.

Старший принц, Се Хун, представил вышитую благоприятными узорами ширму, символизирующую долголетие. На ней были вышиты узоры, символизирующие счастье и процветание. Благодаря какой-то особой технике и нитям, узоры на нем менялись в зависимости от угла освещения, что вызвало искреннее восхищение вдовствующей императрицы.

Мать Второго принца Се Куаня происходила из знатного дома маркиза и всегда была при деньгах. Его подарком стала статуя Бодхисаттвы, вырезанная из белого нефрита. Камень был безупречен, а сама фигура будто светилась изнутри; редкой удачей было найти такой огромный цельный кусок нефрита.

Хотя вдовствующая императрица никогда не стремилась к роскоши, она не могла не оценить

столь глубокое почтение.

Следом подошел Четвертый принц Се Хуань.

В глазах окружающих он всегда был «прозрачным» принцем, не имеющим веса при дворе, поэтому и ожидания от него были невысоки. Однако его подарок заставил всех ахнуть. Сама вещь не была редкой — обычная сутра.

Но это была сутра, написанная собственноручно мастером Ляочэнем. Мастер Ляочэнь, святой монах из храма Хуанцзюэ, считался первым среди великих монахов Поднебесной. Он уже много лет не принимал никого из внешнего мира, и даже нынешний император не мог добиться аудиенции.

Говорили, что Четвертый принц прошел путь от подножия горы до самой вершины, совершая полный поклон через каждые три шага, и только так сумел смягчить сердце мастера.

Такая преданность и сыновья почтительность заслуживали высочайшей похвалы. В эту эпоху почтительность к старшим была высшей добродетелью.

Цзянь Яньянь украдкой взглянула на Се Хуаня.

«Скоро все они увидят твой истинный свет и поймут, что ты намного лучше этого Се Сюаня».

Се Сюань прищурился.

«А мой четвертый брат, оказывается, долго готовился. Выбрал идеальный момент, чтобы выйти из тени».

В этот момент вдовствующая императрица ласково посмотрела на него:

— Сюань-эр, а что подготовил ты?

Се Сюань поднялся:

— На фоне столь щедрых даров моих братьев мне даже немного неловко. Я подготовил лишь скромную картину.

С этими словами он передал свиток слуге.

— «Магу подносит дары долголетия»?

Первый принц, глядя на разворачивающееся полотно, пренебрежительно хмыкнул:

— И впрямь, обыденно.

Бессмертная дева Магу символизировала долголетие. Обычно её изображали в виде юной девушки с персиком бессмертия, плодом «руки Будды» или кувшином вина в руках, в окружении журавлей, оленей, сосен и моря — классический сюжет для подарка старшей женщине.

Но члены императорской семьи с детства купались в роскоши и видели лучшие произведения искусства, так что подобный подарок казался слишком простым для такого торжества. Се Куань и Се Хуань промолчали, но не смогли скрыть презрения в глазах.

— Ох... эта картина?

Внезапно евнух, державший свиток, негромко вскрикнул от удивления.

— Что там такое? — раздалось из толпы.

Вдовствующая императрица тут же поманила его рукой:

— Подойди ближе, дай мне взглянуть.

Спустя мгновение она с восторгом посмотрела на Се Сюаня:

— Сюань-эр, какая искусная задумка! Как тебе удалось это сделать?

Лица Первого принца и остальных исказились. Неужели в этой картине скрыт какой-то подвох?

— Эта картина — одновременно и «Магу подносит дары», и «Картина десяти тысяч долголетий», — мягко пояснил Се Сюань.

Присутствующие подались вперед. У многих от изумления расширились глаза.

Фигура Магу, сосны и весь пейзаж были прорисованы не линиями. Каждое очертание состояло из крошечных иероглифов «Долголетие» (卍 — шоу), написанных разными стилями, шрифтами и цветами. Всего на картине красовалось ровно десять тысяч таких иероглифов.

Это было великолепно, величественно и преисполнено глубокого смысла.

— Какая тонкая работа Шестого Высочества!

— Придумать такой способ письма... Такого еще не было в истории!

— Достойный сын своего отца, его почтительность не знает границ!

Первый принц Се Хун и другие со злобой посмотрели на Се Сюаня. Они потратили столько сил и средств, а в итоге какая-то «бумажка» украла всё их внимание.

Особенно раздосадован был Се Хуань. Годами он оставался незаметным, и хотя это спасало от многих бед, это же лишало его возможностей. Он планировал использовать этот день, чтобы заявить о себе как о самом преданном сыне, но в итоге...

Се Сюань не обращал внимания на эти полные зависти взгляды. Он посмотрел в сторону стоящих на посту императорских гвардейцев.

Этой хитроумной идее его научил тот противный тип — Гу Сьюань.

Заместитель командира гвардейцев в это время тоже разглядывал картину и даже легонько толкнул Гу Сьюаня локтем:

— Генерал, а ведь картина Шестого принца действительно занятная.

— Пустые фокусы и дешевое бахвальство, — холодно и пренебрежительно бросил Гу Сьюань.

Он даже не потрудился понизить голос, так что многие вокруг его услышали. Заместитель в смущении замолк.

«Как и все думали, генерал Гу действительно терпеть не может благородную наложницу Лу и Шестого принца».

— ... — Се Сюань в ярости отвернулся.

«Ну и преданность делу у этого парня! Оказывается, в мире есть кто-то еще более одержимый актерством, чем я сам. Когда он становится жестоким, он ругает даже ту картину, которую сам же и придумал!»

—

<http://bllate.org/book/14483/1281624>